

УДК 330:061 (571.56)

А.А.Бурцев

РОЛЬ ФЕНОМЕНОВ КУЛЬТУРЫ В ИМИДЖИРОВАНИИ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)

Немаловажная роль в создании имиджа республики, наряду с экономическими, социально-политическими факторами и природными ресурсами, принадлежит феноменам культуры. В связи с этим автор предлагаемой статьи рассматривает возможность использования проблематики олонхо в имиджировании Республики Саха (Якутия).

В ежегодных конференциях по имиджевой политике, проводимых филиалом Байкальского университета экономики и права и кафедрой рекламы и связей с общественностью Якутского государственного университета в качестве отдельного направления в создании имиджа Республики Саха (Якутия) выделяется роль культуры, науки и образования.

Действительно, феномены культуры, наряду с экономическими, социально-политическими факторами и природными ресурсами, играют немаловажную роль в формировании благоприятного образа региона или страны.

Сегодня в мире происходит возрождение национальных культур. Например, на Британских островах – Ирландии, Шотландии, в Уэльсе происходит «кельтский ренессанс». Да и в прошлом тоже не раз возникали аналогичные ситуации. В середине XIX века возникла теория «скандинавизма», особого пути скандинавских народов. В первой половине XX века заговорили об исторической и ментальной близости «средиземноморских» народов. На рубеже XX-XIX веков актуальной стала идея общности «причерноморских» стран. Мы сегодня говорим о «циркумполярной» культуре народов, населяющих арктические территории.

Якутия исторически складывалась как «страна диалогов», контактов и симбиозов рас, языков, культур. Дело не столько в том, что, согласно теории академика Ю.А. Мочанова, основанной на материалах стоянки Диринг-Юрэх, якутская земля считается одной из возможных прародин человечества [1], а сколько в том, что в менее чем миллионном населении республики представлены около 120 национальностей.

Особая проблема – происхождение народа саха. Как известно, существуют две основные точки зрения по вопросу о генезисе якутского этноса: во-первых, о южном его происхождении (Забайкалье, Алтай или даже Средняя Азия); во-вторых, автохтонное, местное формирование нации на Средней Лене [2]. Но и в том, и в другом случае сохраняется изначальная установка на «диалогичность».

Вообще проблема межцивилизационного диалога культур в контексте работ М.М. Бахтина, Г.Д. Гачева и других ученых получила необычайно широкий резонанс, так как диалог на межнациональном уровне в современных условиях воспринимается как залог и необходимое условие сохранения мира на планете, а диалогизм приобретает значение фундаментального закона человеческого бытия.

Идея диалога культур становится особенно актуальной именно для нашей многонациональной республики. Традиционная якутская формула приветствия «кэпсиэ», феномен «хора» в национальных танцах «осуохай» и «сэдьэ», установка на диалог с природой, выражающаяся в обряде «кормления» огня, различных подношениях и дарах, – все это свидетельствует о том, что диалогизм заложен в самой ментальности народов Севера.

Речь идет, с одной стороны, о поисках общих начал, а с другой, – о самобытных, специфических сторонах национальных культур и региональных условий. Что касается Севера, то весь уклад жизни человека в циркумполярных условиях, преломившись через национальные обычаи и традиции, способствовал формированию особого типа ментальности, ориентированной на терпимость, приязнь, толерантность. Как свидетельствует современный уровень культуры народов Якутии, неудачный социалистический эксперимент не имел далеко идущих последствий для их менталитета, во всяком случае не привел к искажению его основополагающих характеристик.

Более того, секрет нынешних успехов якутского театра, балета, изобразительного и музыкального искусства во многом объясняется их самобытностью, внутренней энергетикой, жизненной силой, некой «пассионарностью», идущей от национального фольклора, олонхо, мифологии, на фоне определенной «усталости» западных культур.

В этом отношении участники ставших уже традиционными конференций по имиджевой политике высказали ряд перспективных идей: о феномене «культурного шока» [3], о необходимости создания «геокультурного образа» Якутии [4], о возможности использования проблематики олонхо в имиджировании нашей республики [5].

Как известно, в конце 2005 года произошло знаменательное событие: якутское олонхо было признано ЮНЕСКО «шедевром устного нематериального наследия человечества» («a Masterpiece of Oral and Intangible Heritage of Humanity»).

Действительно, героический эпос народа саха, наряду с алмазами или мамонтом, вполне может служить брендом нашей северной республики. Не случайно выражения «страна олонхо» или «земля олонхо» прочно вошли в широкий обиход, хотя представление об истинном значении и культурном статусе олонхо сложилось далеко не у всех.

Якутский героический эпос олонхо по праву относится к числу самых богатых и развитых образцов эпической

поэзии народов мира. Олонхо, возникшее в далекой древности, занимало исключительное место в жизни народа саха. Оно вобрало в себя представления древних якутов о мироздании, их религиозные, морально-этические, эстетические взгляды.

Термин «олонхо» обозначает и общее жанровое понятие якутского эпоса, и отдельные сказания, составляющие этот жанр. Сказания олонхо обычно называются по имени главного героя («Эр Соготох», «Эрбэхтэй Бэргэн», «Нюргун Боотур Стремительный», «Кыыс Дэбилэй» и т.д.) и представляют собой эпические произведения поэтической формы, достигающие тридцати-сорока и в отдельных случаях шестидесяти тысяч строк.

В рамках установления международных связей якутской литературы и выявления роли феноменов культуры в имиджировании РС (Я) целесообразно рассмотреть факты типологических сходжений олонхо с ранними формами эпоса народов мира.

Исследователи и комментаторы относят якутские олонхо к архаическому типу эпической поэзии. Поэт-переводчик В. Державин утверждал, что сказание о Нюргуне Боотуре имеет глубокие корни, идущие от шумеро-вавилонского эпоса о Гильгамеше, который оказал огромное влияние на эпические памятники многих других народов мира: и на греческий эпос, и на эпосы обитателей передней Азии, Ирана, а через них – на устную поэзию народов Средней Азии.

К архаической эпике относят также бурятские улигеры, алтайские, тувинские, хакасские, шорские сказания, а также эпические песни народностей тунгусо-маньчжурской языковой группы, сказания северо-кавказских народностей и т. п. К группе архаических памятников относят африканские эпосы (о Лианжа Нсонго, Фараоне), карело-финские руны, из которых впоследствии была составлена «Калевала», богатырские поэмы тюрко-монгольских народов Сибири, нартские сказания Северного Кавказа, некоторые древнейшие фрагменты грузинского и армянского эпоса, шумеро-аккадский «Гильгамеш», скандинавскую «Старшую Эдду». Следы ранней формы эпоса отчетливо проступают и в некоторых, безусловно, классических эпосах, таких как «Рамаяна», «Одиссея», «Беовульф», «Гэсэриада».

На большое сходство якутского героического эпоса с эпосами других тюркских и монгольских народов неоднократно указывали многие исследователи: В. М. Жирмунский, А. П. Окладников, Е. М. Мелетинский, Г. У. Эргис, И. В. Пухов и другие. Героический эпос тюркоязычных народов зародился и развивался в глубокой древности, в эпоху их обитания в степях Центральной Азии во втором-первом тысячелетии до н. э. [6].

Сходный характер с содержанием самых древних пластов эпоса тюрко-монгольских народов несут космогонические представления, отразившиеся в олонхо. Типологические параллели можно усмотреть в описаниях устройства мироздания. Мир представляется трехсоставным:

верхний, средний и нижний. Два космических начала – небо и земля – изначально выступают в качестве единой стихии, но потом отделяются друг от друга. Такая версия подтверждается в эпических памятниках других народов, в том числе алтайцев и башкиров. Как и в индийском эпосе, в олонхо небосвод держится на подпорках. Правда, различаются они тем, что в якутском эпосе эти подпорки сделаны из монолитных глыб, каменных балок и горных утесов, а в индийской «Рикведе» высокий небосвод удерживается горящим деревом. В индийском эпосе также присутствует образ, связывающий три сферы, – это мировое дерево, которое индусы называют «богатая береза», скандинавы – ясьень Иггдрасиль, а якуты – Аал Луук Мас.

Наряду с типологическими параллелями, обусловленными генетическим родством, могут иметь место типологические общности, предпосылкой возникновения которых являются сходные стадии общественно-исторического и культурного развития народов. Примером подобных историко-типологических аналогий могут служить соответствия между древнескандинавской «Старшей Эддой» и олонхо. В эддических песнях и якутских богатырских поэмах обязательно присутствуют «свой» и «чужой» мир: с одной стороны, – добрые «асы» («Эдда») и светлые «айыгы» (олонхо), с другой, – злые великаны-ётуны («Эдда») и демоны «абаасы» (олонхо). Между двумя этими полюсами происходят различные контакты и столкновения [7].

В эпической поэзии многих народов представлен образ богатырской девы, возникший на основе бытовых отношений периода матриархата и получивший широкое распространение, в частности, в кельтском (Айфе, Медб, Эмер) и немецком (Кримхильда, Брюнхильда) героических эпосах. В якутских олонхо образ воинствующей женщины нашел воплощение в героинях типа Кыыс Нюргун, Кыыс Туйгун, Кыыс Дэбилэй.

Великаны и хтонические чудовища выступают в архаическом эпосе иногда как хранители огня, небесных светил, культурных растений и чудесных предметов, но гораздо чаще – как военные противники, похитители женщин и разрушители, в общем как представители хаоса, борющиеся против космоса. Существо, подобных «абаасы», представляющих «нижний мир», можно обнаружить и в более поздних эпико-мифологических памятниках, в частности, в древнегреческой мифологии. Это циклопы и лестригоны, в том числе Полифем, вождь циклопов, пожирающий спутников Одиссея, который кстати имеет божественное происхождение.

Еще одной частотной фигурой в архаических текстах является чудесный кузнец. Сказания о волшебных кузнецах восходят к начальной стадии развития обработки металлов, когда кузнечное дело было особенно ценимо и окружено суеверными представлениями. В якутском эпосе это образ чудесного кузнеца Кудай Бахсы, в древнегреческом – образ Гефеста, в древнескандинавском – Вёлунда и т.д.

Наряду с классическими чертами, характерными для архаических фольклорных памятников (параллелизмы, повторы, постоянные эпитеты, формулы и т.д.), «Эдда» и олонхо обнаруживают ряд других поразительных совпадений. Отдельные мифологические песни «Старшей Эдды» (например, «Прорицание Вэльвы») и олонхо («Нюргун Боотур Стремительный») содержат обширные зачины, повествующие о «ранних временах». Эти эпические прологи изображают во многом идентичный пространственно-временной антураж: картину «первотворения», своеобразный «вертикальный разрез мироздания», благословенную «среднюю землю», осененную могучим деревом изобилия (Аал Луук – в олонхо, ясьень Иггдрасиль – в песнях «Эдды»). В якутских олонхо мировое дерево проливает «белую благодать», образующую молочные озера, в скандинавской мифологии у его корней бьют целебные родники, а с листьев капает живительная роса. Якутское божество Улуу-Тойон, живущее у верхушки дерева Аал Луук, весьма напоминает скандинавского Одина, так же как белые шаманки, вестницы богов «айыы», поразительно напоминают валькирий из «Старшей Эдды» [8].

Что касается сходных сюжетов и мотивов, то тут тоже можно привести примеры. В частности, в олонхо «Нюргун Боотур Стремительный», как и в немецкой «Песни о Нибелунгах», содержится мотив «героического сватовства». Истории похищения и возвращения похищенных женщин занимают значительное место в эпосе тюрко-монгольских народов Сибири, в эпосе народов Африки, в скандинавском (включая мифологические песни «Старшей Эдды») и ирландском эпосах.

Одной из распространенных эпических ситуаций является борьба между неузнанными братьями или отцом и сыном. Этот сюжет известен в героическом эпосе целого ряда народов: ирландском (Кухулин – Конлайх), германском (Хилтебрант – Хадубрант), персидском (Рустем – Сохраб), в якутском (Ала Туйгун – Юрюнг Уолан). Причем в подавляющем большинстве случаев коллективный творец отдает победу отцу или старшему брату. По-видимому, такой исход представлялся более драматическим и имел характер ретардации, то есть способствовал активизации внимания воспринимающей аудитории.

Таким образом, материал якутского фольклора обнаруживает многие факты типологических сходжений с памятниками эпического творчества народов мира. Эти факты типологических связей олонхо с другими эпическими памятниками являются свидетельством наличия сходных этапов в историческом развитии разных народов в далеком прошлом и выражением объективно существующей общности многих процессов мирового литературного развития.

Вообще ранее сложившееся мнение об оторванности предков якутов и других народностей Восточной Сибири от культурных очагов мира в последнее время стало активно пересматриваться. Подтверждением этого обстоятельства служит в определенной степени наличие в якут-

ских фольклорных памятниках так называемых «бродячих сюжетов». Еще Г.В. Ксенофонов находил аналогии в сюжетах библейских мифов о патриархе Иакове, богаче Лаване, его дочерях – прекрасной Рахиль и дурнушке Лии, о вынутом из воды Моисее, воспринятом в образе религиозного учителя и организатора культа, с одной стороны, и якутских преданий об Омогое и Эллэе, – с другой. В частности, речь шла об истории культурного героя Эллэя, который приплыл на плоту и нанялся на работу к патриарху Омогою, потом женился на его некрасивой дочери, обзавелся хозяйством и устроил ысыах. Сам исследователь, комментируя эти фабульные сходства, отметил, что «мифологические образы, подобные Эллэю, когда-то были присущи героическому эпосу очень многих культурных народов Азии и Европы» [9].

В проблематике якутских олонхо гармонически сочетаются общечеловеческие и национальные идеалы. С одной стороны, в них провозглашается идея планетарного единства обитателей «срединного мира», их согласия, терпимости, толерантности. Кроме того, актуальной является идея гармонического бытия людей с окружающей природой. С другой стороны, сквозной мотив в олонхо – взаимопомощь и взаимоподдержка людей племени «айыы», их стремление к мирной созидательной жизни, защита рода от поползновений «абаасы», злых демонов «нижнего мира».

Эти идеи перекликаются с общим пафосом литературного «койне» тюркских народов – «Надписей в честь Кюль-тегина», в которых речь шла о страстном призыве к князьям-каганам жить в мире, избегать кровавых битв, разрешать конфликты мирным путем.

По большому счету обнаруживается идейное родство якутских олонхо с памятниками древнерусской словесности, в частности со «Словом о полку Игореве», тоже содержавшем призыв к собиранию земель и народов в единый союз.

Наряду с явлениями сходства в культурном развитии, важное значение в создании имиджа региона имеет фактор уникальности феноменов культуры. В этом отношении якутские олонхо тоже предоставляют в наше распоряжение богатый материал. Речь идет прежде всего о их художественной специфике.

Специалисты относят генезис олонхо к VIII-IX вв., и в силу исторических судеб народа саха они сохранили живые традиции архаического состояния эпоса. Именно поэтому их специфической особенностью является синтетическая природа. На это обратил внимание якутский литературовед Г.М. Васильев: «Выросшее на почве мифологии и проникнутое духом исторических легенд, оно слилось со сказочной фантастикой, пропиталось культовой поэзией, шаманскими заклинаниями и сконцентрировал в себе все силы, краски, выразительные средства народного языка» [10].

Долгое время олонхо бытовали в устной традиции. Их исполняли сказители-олонхосуты. Описательные и

повествовательные места произносились речитативом, монологи и диалоги пелись. При этом песенный состав олонхо отличался необычайным разнообразием и включал песни-заклинания, песни-призывы, песни-плачи, песни-проклятия, песни-бахвальства богатыря, песни-повеления божеств [11].

Не случайно современные ученые воспринимают якутские героические сказания как явление словесно-музыкального творчества. Впрочем, еще И.А. Худяков называл олонхо «зародышем народной оперы» [12], а В.Л. Серошевский упоминал о их ролевом исполнении [13]. Но наиболее полную музыкальную картину мира олонхо представила в своих работах известный музыковед А.П. Решетникова. По ее мнению, именно песенные разделы выделяют олонхо среди других национальных эпосов и придают им характер уникальной эпической музыкальной системы [14].

Таким образом, феномены культуры, в частности якутский героический эпос – олонхо, могут стать важнейшим фактором влияния на специфику бренда нашей республики. Его духовно-нравственный потенциал, отражающий менталитет народа саха, соответствует общечеловеческим гуманистическим ценностям и свидетельствует о том, что якутская культура при всей своей уникальности неразрывно связана с мировой культурой.

Л и т е р а т у р а

1. Мочанов Ю.А., Федосеева С.А. Археология, палеолит Северо-Восточной Азии, внетропическая прародина челове-

ства и древнейшие этапы заселения человеком Америки. Якутск, 2002. 60 с.

2. Ксенофонтов Г.В. Ураангхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов: В 2 т. Якутск, 1992. 416 с.; Гоголев А.И. Якуты: проблемы этногенеза и формирования культуры. Якутск, 1993. 187 с.; Петров Н.Е. Из древней истории народа саха. Якутск, 2003. 144 с.

3. Практика формирования имиджа региона: Опыт и перспективы. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Якутск, 2005. С. 265-267.

4. Там же. С. 268-270.

5. Там же. С. 274-275.

6. Антонов Н.К. Заметки об эпосе якутов // Советская тюркология. 1974. № 1. С. 27.

7. Мелетинский Е.М. «Эдда» и ранние формы эпоса. М., 1968. С. 235.

8. Там же. С. 235.

9. Ксенофонтов Г.В. Элэйада. Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. М., 1977. С. 16-56.

10. Васильев Г.М. Живой родник: Об устной поэзии якутов. Якутск, 1973. С. 100.

11. Емельянов Н.В., Петров В.Т. Якутский героический эпос «Кыыс Дэбилийэ» // Якутский героический эпос «Кыыс Дэбилийэ». Новосибирск, 1993. С. 19.

12. Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа. Л., 1969. С. 366.

13. Серошевский В.Л. Якуты: Опыт этнографического исследования. М., 1993. С. 592.

14. Решетникова А.П. Фонд сюжетных мотивов и музыка олонхо в этнографическом контексте. Якутск, 2005. 408 с.

А.А. Бурцев

The role of phenomena of the culture in formation Republic Sakha (Yakutia) image

In the article noted that the important role in formation of the image of republic at the same as economic, social - politic factors and nature resources bilonges to the phenomena of culture. The author examines the possibility of olonkho use in the imaging of the Republic Sakha (Yakutia).

